

НАРОДЫ СССР

Б. Н. Путилов. *Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.* М. — Л., 1960, 300 стр.

Монография Б. Н. Путилова объединяет ряд его исследовательских работ, посвященных русскому эпосу. Ее появление было бы невозможно без первоначального, весьма тщательного анализа сюжетов и вариантов русских былин, исторических песен и баллад. Только на основе учета и сравнения всех имеющихся публикаций и наиболее ценной части архивных материалов стало возможным установление подлинного состава старших исторических песен, верное истолкование смысла и направленности каждой из них, что занимает большую часть книги.

Основная ценность монографии — в утверждении во многом новой методики исследования фольклорных произведений, плодотворность которой доказывается рядом выводов и наблюдений Б. Н. Путилова. Не столько исходными положениями, сколько самим анализом каждого текста доказывается научная несостоятельность так называемого «цитатного метода» аргументации, очень часто применявшегося нашими фольклористами, который нашел выражение и в некоторых главах об исторической песне «Очерков по истории русского народно-поэтического творчества»¹. Пользуясь произвольно подобранными цитатами из разных вариантов, не соотнося их с общим характером произведения, не учитывая различий между отдельными версиями, исследователи, естественно, зачастую приходили к разному в конечных выводах и не достигали подлинного историзма.

Введение в рецензируемой книге содержит четкую постановку задачи исследования. Замысел книги и ее направленность отражают наметившееся в современной фольклористике движение к более углубленному исследованию истории народного искусства через историю его отдельных жанров. Автор стремится проследить зарождение и формирование исторической песни. Вопрос этот неоднократно поднимался за последние годы, но и поныне остается спорным². В вводной главе автор излагает свои взгляды на отношение исторической песни к действительности и дает определение жанра.

Остальные главы содержат анализ песенных сюжетов; автор старается установить не только время зарождения той или иной песни, ее соотношение с эпохой и идейную направленность, но и проследить формирование эстетических принципов жанра, что является одним из достоинств монографии. Автор рассматривает формы преемственности жанров исторической песни и былины («Кастрюк»); связи старших исторических песен со сказочными мотивами («Авдотья-Рязаночка») и с образами свадебной поэзии (песни о девушках-полонянках); наконец, зарождение новых композиционных принципов и героических образов («Взятие Казани», песни о Ермаке). Внимание к песенному сюжету как к идейно-художественному целому, которое характерно для методики Б. Н. Путилова, приводит к доказательному и смелому пересмотру многих общепринятых положений.

В результате своих исследований автор пришел к убеждению, что в момент своего создания историческая песня говорит о политических событиях современности и никак не может уподобляться произведениям литературы на исторические темы (Введение, стр. 9). Такой вывод, отметим, подтверждается и анализом значительно более позднего материала: исторические песни XIX в. обычно записаны либо в тот самый момент, когда происходило отразившееся в них событие, либо через очень небольшой промежуток времени после этих событий (песни о Платове, о взятии Эрзерума Паскевичем, о хивинском походе Перовского).

В рецензируемой книге много свежих и тонких наблюдений, автором привлечены новые или недооцененные прежде факты. Справедливым представляется утверждение автора, что в древней Руси отсутствовали формы песенной исторической поэзии (стр. 87), к которому он приходит путем тщательного анализа «слав», колядок, преданий. Интересно в гл. II сопоставление сюжета «Авдотьи-Рязаночки» с античными мифами и литературными памятниками, проясняющее генезис некоторых образов. Рассматривая в гл. III песни о татарском полоне, Б. Н. Путилов раскрывает их неоднородность и элементы нового художественного качества: связь индивидуализации образа и историзма мышления, движение от эпической условности к психологической правде. Проблема соотношения исторического факта и поэтического вымысла является центральной в последующих главах и решается на большом конкретном материале. Песня неизменно рассматривается автором прежде всего как явление словесного искусства, а не только

¹ См.: Э. С. Литвин, Военно-историческая народная поэзия второй половины XVIII века, «Очерки по истории русского народно-поэтического творчества», т. II, кн. I, стр. 206—227; А. Н. Лозанова, Историческая песня, там же, т. II, кн. 2, стр. 299—318 и ряд других работ.

² См., например, вступительную статью Л. С. Шептаева к сборнику «Исторические песни» («Библиотека поэта», 1951); вступительную статью В. И. Чичерова к сборнику «Историческая песня» («Библиотека поэта», 1956); автореферат кандидатской диссертации Л. И. Емельянова «Отражение исторической действительности в фольклоре. Русские исторические песни XIV—XVI вв.»

как исторический источник. Автор высказывает также ряд убедительных соображений о художественном назначении циклизации исторических песен, о незавершенности образов в изолированном от цикла отдельном песенном сюжете.

Можно отметить, однако, что не все положения автора рецензируемой книги достаточно тщательно аргументированы. Встречаются выводы и утверждения чрезмерно категоричные, сформулированные слишком прямолинейно. Так, им отвергается всякое родство между народной исторической прозой и народной исторической поэзией. Если Б. Н. Путилов утверждает, что песни не перелагались из преданий, а складывались на почве самой действительности, то это еще не основание «отвергать с порога» все возможные формы взаимосвязи жанров. Нельзя же отрицать того факта, что песни могли превращаться в историческую прозу, как превратилась былина об Илье Муромце в белорусскую сказку или песня о Платове-казаче в прозаическую легенду (запись Сержпутовского, публикация 1926 г.). Общеизвестны и случаи былинной обработки сказочных сюжетов.

По сравнению с другими главами, где исследователь оперирует подлинным фольклорным материалом, во многом гипотетичной (что признает и сам автор) и не всегда убедительной кажется гл. II, где реконструируется предполагаемый «язанский цикл». Невозможно доказать, что эпическое произведение о Евпатии Коловрате не былина, а историческая песня. Нет пока достаточных оснований и для того, чтобы признать существование именно исторической песни, посвященной Олегу Красному, а не каких-то других фольклорных отголосков, связанных с этим именем. Полемизируя с историками древнерусской литературы, находящими исторические песни в летописях, Б. Н. Путилов справедливо ссылается на отсутствие следов этих песен в живой фольклорной традиции (стр. 38). Однако этот упрек возвращается к нему самому, когда речь идет о существовании целого «язанского цикла». Почему же устная традиция, так великолепно сохранившая «Авдотью-Рязаночку», не донесла хотя бы в отрывках или переработках песен о Евпатии Коловрате и Олеге Красном?

Не всегда можно согласиться с выводами автора по поводу отдельных сюжетов, например, признать песню об осаде Пскова Стефаном Баторием столь художественно несовершенной, подражательной и схематичной, как считает Б. Н. Путилов (стр. 190). И песня об осаде Пскова, и песня о взятии Казани, и другие образцы ранней военно-исторической поэзии, не обладая масштабностью и эпической детализацией былин, отличаются зато драматической напряженностью сюжета, более ярко выявленной эмоциональностью. Сомнительно утверждение, что песня о взятии Ермаком Сибири не могла сложиться позже XVI в.; сам Б. Н. Путилов считает ее возникновение обусловленным известным отходом от событий (стр. 262). И данная песня, и некоторые другие, более поздние, скорее всего являются произведениями «вторичного происхождения», в основе которых лежат уже успевшие стать традиционными образы и ситуации песен более ранних, непосредственно связанных с действительностью.

Высказанные здесь критические замечания относятся к частностям в монографии Б. Н. Путилова. Общий же характер его работы представляется очень плодотворным. Особенно следует отметить внимание к эстетической природе жанра, умение заново прочесть давно известные песенные сюжеты, тщательность текстологического анализа, предшествующего исследованию каждой песни. Несомненно, что настало время для углубленного исторического изучения и других видов русского фольклора.

Э. Литвин

Г. Ю. Герби́льський. *Передова суспільна думка в Галичині (30-і — середина 40-х років XIX століття)*. Львів, 1959, 160 стр.

В истории этнографических знаний до настоящего времени остается малонизученным развитие науки в Галицкой и Угорской Руси. Книга Г. Ю. Герби́льського «Передовая общественная мысль в Галичине» в некторой степени восполняет этот пробел. Она освещает период национального возрождения, с которым, естественно, было связано пробуждение интереса у передовых кругов общества к этнографии и фольклору. Важным является то, что работа знакомит нас, в частности, с деятельностью идеологов национального возрождения Галичины 30—40-х годов XIX в., известных собирателей фольклора и этнографических материалов — М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого.

В еще недостаточно исследованной истории славянского национального возрождения в Юго-Восточной Европе один из наименее изученных участков — славянское национальное возрождение в Галичине. Между тем, для 30—40-х годов XIX в. характерно проявление горячего интереса местных культурных деятелей к истории, этнографии и фольклору родного края. Рецензируемая книга содержит материал, характеризующий период перед революцией 1848 года.

После раздела Польши в 1772 г. Галиция, как известно, стала частью австрийской империи Габсбургов. На территории Галиции искусственно было создано королевство